

Андрей Виніусъ, сотрудникъ Петра Великаго ¹⁾.

Вриведенныя нами свѣдѣнія о дружественныхъ отношеніяхъ Виніуса къ императорскому послу Гваріенту подтверждаются недавно обнародованными документами, найденными д-ромъ Ф. Дукмейеромъ въ Амбергскомъ архивѣ (Баварія) ²⁾. Приведа тѣ свѣдѣнія о Виніусѣ, которыя онъ могъ почерпнуть у Пекарскаго, Соловьева и Устрялова, г. Дукмейеръ приводитъ отрывки изъ писемъ Гваріента. Изъ нихъ оказывается, что Виніусъ давалъ свѣдѣнія Гваріенту обо всемъ, что происходило въ Московскомъ государствѣ (письмо графу Кауницу отъ 6 мая 1699 г.). Въ сентябрѣ того же года Гваріентъ пишетъ (письмо не адресовано), что Виніусъ предоставилъ ему карту всей Сибири и не пожелалъ издавать ее иначе, какъ посвятивъ ему, и при этомъ наводитъ у него справки относительно опредѣленія высоты полюса. Виніусу онъ писалъ изъ Смоленска, благодарилъ его за вниманіе, за посвященіе и давалъ указанія о свѣдущихъ по научнымъ вопросамъ людяхъ (письмо это писано подъ диктовку больного Гваріента). Изъ Варшавы тотъ же Гваріентъ писалъ Виніусу письмо, въ которомъ отсовѣтовалъ посылать царевича Алексѣя Петровича къ Дрезденскому двору (въ заключеніе онъ просилъ Виніуса уничтожить это письмо— „*veritas enim odium*

¹⁾ См. „Русская Старина“ декабрь 1909 г.

²⁾ Сочиненіе г. Ф. Дукмейера (*Korb's Diarium itineris in Moscoviam und Quellen, die es ergänzen*, г. Friedrich Dukmeyer, Berlin, 1909—*Historische Studien*, Heft LXX) получено нами во время печатанія настоящей статьи, вслѣдствіе чего мы и не могли указать на это сочиненіе во введеніи къ настоящей работѣ.

parit“): слѣдовательно, и въ этомъ вопросѣ Виніусъ принималъ участіе наравнѣ съ прочими совѣтниками Петра ¹⁾).

Пріятель Виніуса, бранденбургскій резидентъ Задора-Цизельскій, въ началѣ 1700 г. скончался отъ раны, полученной имъ въ Москвѣ на дуэли. По распоряженію царя, Виніусъ похоронилъ его на казенный счетъ ²⁾).

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ сторонъ дѣятельности Виніуса.

Наиболѣе причиняло заботъ и трудовъ Андрею Виніусу завѣдываніе Сибирскимъ приказомъ, въ которое онъ вступилъ не позже 1697 года ³⁾; но эта должность давала ему также большіе доходы, если вѣрить Корбу, что Виніусъ не только не получалъ жалованья за эту должность, но даже платилъ царю 1.000 руб. ежегодно съ тѣмъ, чтобы всѣ воеводы зависѣли отъ него; а назначалъ онъ ихъ „не безкорыстно“. Корбъ отзывается съ большою похвалою объ умѣ, образованности и изворотливости Виніуса и его хорошемъ управленіи Приказомъ. При немъ сибирскіе воеводы не смѣли притѣснять и разорять торговыхъ людей, такъ какъ за ними былъ учрежденъ строгій надзоръ. Узнавъ отъ кого-либо изъ торговыхъ людей о злоупотребленіяхъ какого-нибудь воеводы, Виніусъ грозилъ ему кнутомъ, лишеніемъ имѣнія, смертію и пр., если онъ не исправится. Узнавать обо всемъ помогали ему также тайные агенты. Была мѣстность, съ которой воеводы доставляли въ казну ежегодно по 600 руб. Виніусъ назначилъ туда воеводу, который въ первый же годъ сообщилъ, что Царскій приходъ составляетъ 10.000 рублей. Жалобы на воеводу вообще выслушивались Виніусомъ съ большимъ вниманіемъ. Такъ напр., по жалобѣ красноярцевъ, былъ привлеченъ къ отвѣтственности Данила Полянскій ⁴⁾ и красноярскіе воеводы Башковскіе и Семень Дурново ⁵⁾.

Какъ на примѣръ суроваго обращенія со взяточниками, Корбъ указываетъ на судьбу кн. Черкаскаго, изобличеннаго Виніусомъ во взяткахъ, которыя онъ собиралъ не лично, а черезъ подчиненныхъ. Черкасскій былъ возведенъ на эшафотъ, но пощаженъ, битъ кнутомъ и сосланъ на галеры ⁶⁾.

¹⁾ Dukmejer, 132—134.

²⁾ Письма и бумаги П. В., I, 787.

³⁾ Др. Росс. Вивл. т. XX, стр. 397; Бѣлокуровъ, 128.

⁴⁾ Письма и бумаги П. В., I, 808.

⁵⁾ Пам. Сиб. Ист. XVIII в., I, 38. О письмѣ Башковскаго къ Виніусу см. Обзорѣніе... Н. Оглоблина, Чт. М. О. Ист. и др., 1900, кн. III, стр. 330.

⁶⁾ Корбъ, 319—320. Цѣлый рядъ розыскныхъ дѣлъ о злоупотребленіяхъ различныхъ должностныхъ лицъ въ Сибири за это время можно найти въ

Сохранился очень цѣнный приговоръ 1698 г. думнаго дьяка Виніуса съ товарищи о разборѣ подъячихъ въ сибирскихъ городахъ. Приговоръ предписываетъ отставить тѣхъ подъячихъ, которые „дѣлать не смыслятъ“, также пьяницъ и т. п., а вмѣсто нихъ поверстать новыхъ, хотя бы изъ ссыльныхъ людей и пр. ¹⁾.

Виніусъ заботился о розысканіи въ Сибири рудъ, желѣзныхъ и серебряныхъ ²⁾; принималъ рядъ мѣръ по распространенію и утвержденію христіанства и грамотности, развитію торговли и промышленности, проведенію дорогъ; велѣлъ составить описаніе Сибири, чертежъ путей, городовъ и учредить почты. Къ началу 1698 г. была построена церковь въ Пекинѣ, крещено 20 китайцевъ. Виніусъ посылалъ указы сибирскому архіерею о подысканіи миссіонеровъ, обученіи желающихъ изъ русскихъ — китайскому, монгольскому и калмыцкому языку, переводѣ нужныхъ книгъ на эти языки ³⁾. Прибывавшіе изъ Азіи послы иногда останавливались въ домѣ Виніуса ⁴⁾. Получивъ отъ Петра наставленіе, что пропаганда христіанства должна быть осторожная, Виніусъ велѣлъ разспрашивать торговыхъ людей, прибывающихъ въ Нерчинскъ изъ Китая, гдѣ стоитъ ново-построенная въ Китаѣ часовня — между домами или особо; приходятъ ли китайцы смотрѣть русское богослуженіе и что говорятъ, не смѣются ли надъ нимъ; какое богослуженіе имъ больше нравится — русское или іезуитское; каково тамъ русское духовенство; сколько русскихъ прихожанъ; хороша ли утварь церковная; доста-

---

столбцахъ и книгахъ Сибирскаго приказа въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи (см. Обзорѣніе... Н. Н. Оглоблина, Чт. М. Общ. ист. и древн. за вышеуказанные годы).

¹⁾ Обзорѣніе... Н. Н. Оглоблина, Чт. М. Общ. ист. и древн. 1902 г., кн. I, стр. 9—10.

²⁾ За время управленія Виніуса Сибирскимъ приказомъ были основаны заводы Невьянскій (1699 г.), Каменскій (1700 г.) и Алапаевскій (1703 г.) и открыто множество рудныхъ пріисковъ (Пермскій сборникъ, кн. I, стр. 26). Хмыровъ, высоко оцѣнивая дѣятельность Виніуса въ этой сферѣ, говоритъ: „въ безкорыстномъ и разумномъ служеніи дѣлу съ Виніусомъ не могли равняться ни Марселісы и Акемы временъ царя Михаила и Алексѣя, ни даже пресловутый Никита Демидовичъ Антуфьевъ“ (Хмыровъ, 237).

³⁾ Письма и бумаги П. В., I, 694—695.

⁴⁾ Корбъ, 161. На докладѣ пословъ Ѳ. А. Головина съ товарищи о договорѣ съ китайцами по поводу „вѣчнаго мира“ есть приговоръ Виніуса о принятіи мѣръ къ соблюденію посольскихъ договоровъ со стороны Иркутскихъ и Нерчинскихъ воеводъ: — необходимо преслѣдовать перебѣжчиковъ, запретить ясачнымъ и промышленнымъ людямъ ходить для звѣрнаго промысла въ Китайскую сторону и т. д. (Обзорѣніе... Н. Оглоблина. Чт. М. О. ист. и др. 1902, I, стр. 114—115).

точно ли книгъ; гдѣ погребаютъ умершихъ христіанъ; открыто ли совершаютъ погребеніе или тайно и крестился ли кто-нибудь изъ китайцевъ ¹⁾).

Въ Сибирскомъ приказѣ всегда было много денегъ и всякихъ товаровъ. Должностныя лица иногда брали оттуда крупныя суммы. Такъ, въ половинѣ 1699 г. извѣстный Прокофій Возницынъ взялъ соборей и камокъ на 12.000 р., на что Виніусъ жаловался царю. Такъ какъ у провинившихся сибирскихъ воеводъ имущество конфисковалось, то, по мнѣнію Виніуса, его слѣдовало безповоротно зачислять въ казну и ни подъ какимъ видомъ не возвращать ²⁾).

18 января 1700 г. Виніусъ приказалъ допросить прибывшихъ въ Москву изъ Сибири служилыхъ людей томскихъ, кузнецкихъ и Красноярскихъ о томъ, какіе сосѣди беспокоятъ ихъ области, можно ли имъ отражать ихъ собственными силами, почему уменьшился въ Томскомъ уѣздѣ ясачный сборъ, и есть ли въ томъ уѣздѣ мѣста, гдѣ можно было бы поселить ссыльныхъ ³⁾). О такихъ же „мірскихъ нуждахъ“ допрашивали туринскихъ крестьянъ, пріѣхавшихъ однажды по своимъ дѣламъ въ Сибирскій приказъ (между прочимъ, на вопросъ о качествахъ воеводы они отзывались съ большою похвалою) ⁴⁾).

Въ это время въ Сибири дѣйствовали особыя „таможенныя статьи“, составленныя Виніусомъ, которыя надолго пережили своего составителя ⁵⁾). Въ нихъ, между прочимъ, торговые люди обезпечивались отъ насилій со стороны воеводъ.

Въ томъ же году Виніусъ просилъ царя назначить новаго митрополита въ Сибирь, потому что митр. Игнатій заболѣлъ душевною болѣзнію ⁶⁾). Назначенъ былъ знаменитый Димитрій Туптало (впослѣд-

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи, кн. III, 1223.

²⁾ Письма и бумаги П. В., I, 772. Интересенъ приговоръ Виніуса по дѣлу тобольскаго дворянина Глинскаго, пожалованнаго въ московскіе дворяне. Съ этимъ пожалованіемъ соединялось пониженіе денежнаго оклада съ 20 р. на 18. Виніусъ постановилъ: писать его окладъ въ 18 р., а выдавать 20 р. (1699 г., см. Обзоръніе столбц. и кв. Сиб. приказа Оглоблина, Чт. М. Общ. ист. и др., 1900 г., кн. III, стр. 285).

³⁾ Памятники Сиб. Исторіи XVIII в., Спб. 1885, кн. I, стр. 1.

⁴⁾ Бытовыя черты к. XVIII в. Н. Оглоблина, стр. 9.

⁵⁾ О размѣрѣ таможенныхъ сборовъ по этимъ статьямъ можно судить между прочимъ изъ того факта, что въ 1701 г. на Ирбитской ярмаркѣ ихъ было сдѣлано до 30.000 руб. на наши деньги (Быт. черты XVIII в. Н. Оглоблина, стр. 6).

⁶⁾ Письма и бумаги П. В., I, 808.

сгвин св. Димитрій Ростовскій); но этотъ по слабости здоровья не могъ туда поѣхать и былъ назначенъ другой—Филофей Лещинскій, оказавшійся чрезвычайно энергичнымъ архіереемъ. Изъ дѣлъ Сибирскаго приказа о его дѣятельности почерпаемъ слѣдующее извѣстіе.

Въ августѣ 1702 г. онъ послалъ своего боярскаго сына Еремѣя Иванова въ Кіевъ для покупки книгъ церковныхъ и учебныхъ, а также для найма дьякона, 2 учителей „латинской науки“, 4 пѣвчихъ и 2 „студентовъ“. Сибирскій приказъ (т. е. Виніусъ) оказалъ содѣйствіе посланному въ добываніи подводъ ¹⁾.

Мѣсяца за четыре до описаннаго случая, въ Сибирскомъ приказѣ разсматривалось одно дѣло, находящееся въ связи съ перемѣнами въ Сибирской митрополіи. Дѣло это очень интересно для характеристики Виніуса. Состоитъ оно въ слѣдующемъ.

14 марта 1700 г. митр. Игнатій взялъ у нѣкоего Алексѣя Коробовскаго 2 книги: Хрисмологіонъ и Исторію Скиѣйскую, стоимостью 11 рублей, но денегъ не уплатилъ. На другой день, 15 марта, Игнатій, по царскому указу, былъ отвезенъ въ Чудовъ монастырь, какъ душевно-больной. Въ Чудовомъ монастырѣ онъ пробылъ 2½ недѣли подъ присмотромъ ризничаго іеродіакона Іоасафа Стромилова. Коробовскій обратился къ Стромилу съ просьбой доложить преосвященному, чтобы онъ возвратилъ взятые книги или заплатилъ за нихъ. Митрополитъ признался, что, книги, Хрисмологіонъ и Исторія Скиѣйская, были дѣйствительно взяты и деньги, 11 рублей, за нихъ не уплачены, но прибавилъ, что въ настоящее время книги эти находятся въ его келейной рухляди въ Казанскомъ подворьѣ. Когда Игнатій былъ переведенъ въ Симоновъ монастырь, Коробовскій снова билъ челомъ о своемъ дѣлѣ патриарху и властямъ. Въ августѣ 1701 года всѣ келейныя книги митр. Игнатія, вмѣстѣ съ прочимъ его имуществомъ, хранившимся въ Сибирскомъ приказѣ, на Казанскомъ подворьѣ и въ Симоновомъ монастырѣ, были описаны и оцѣнены подъ присмотромъ думнаго дьяка А. А. Виніуса, а затѣмъ переданы новому митрополиту, Димитрію. Въ числѣ книгъ, отданныхъ преосв. Димитрію, были и 2 рукописныя—Хрисмологіонъ, оцѣненная въ 1½ рубля и „Исторія Сирская“, цѣною въ 1 рубль. Преосв. Димитрій не поѣхалъ въ Сибирь и вмѣсто него былъ назначенъ, какъ мы видѣли, преосв. Филофей. Этотъ немедленно передалъ Коробовскому Хрисмологіонъ; что же касается Исторіи

¹⁾ О просвѣтительной дѣятельности митр. Филофея (1702--1711 г.) см. между прочимъ, Пермскій сборникъ, М. 1859, кн. 1, стр. 29. Описанный въ въ текстѣ случай—см. Бытовые черты н. XVIII в. Н. Оглобина, стр. 15—16. См. также въ настоящемъ очеркѣ, ниже.

Скиѣйской, стоившей 9^{1/2} рублей (около 100 р. на наши деньги), то таковой не оказалось, и „Исторія Сирская“, стоившая всего 1 рубль, конечно, не могла ея замѣнить. Коробовскій, въ апрѣлѣ 1702 года, подалъ челобитную государю, указывая, что книга его была взята въ Сибирскій приказъ. Сибирскій приказъ отрицалъ это, утверждая, что все, оставшееся послѣ митр. Игнатія, передано митр. Филофею. Но въ описи, составленной самимъ же приказомъ, какъ мы видѣли, „Исторія Скиѣйской“ не было; значить, приказъ какъ бы свидѣтельствовалъ, что таковой книги у митр. Игнатія не было вовсе; между тѣмъ показаніемъ самого Игнатія, приведеннымъ выше, установленъ фактъ, что таковая книга у него была. Конечно, этому показанію, какъ показанію душевно-больного, можно было и не дать значенія, если кому-либо, какъ напр. любителю книгъ Виніусу, захотѣлось бы, при составленіи описи, замѣнить одну книгу другою. Повидимому, такъ и случилось, и тщетно Коробовскій хлопоталъ о возвратѣ ему дорогой книги....¹⁾

Заботясь объ интересахъ русскихъ поселенцевъ и торговыхъ людей, Виніусъ внимательно относился и къ нуждамъ инородцевъ. 31 мая 1700 года онъ распорядился, чтобы крестьяне Тобольскаго уѣзда не причиняли разоренія башкирцамъ въ виду жалобъ послѣднихъ царю²⁾. Въ февралѣ 1701 г. сибирскіе инородцы ходатайствовали черезъ Тарскаго воеводу о дозволеніи имъ продавать своихъ дѣтей, ссылаясь на голодъ въ ихъ странѣ. Неизвѣстно, какія мѣры предпринялъ Виніусъ для смягченія народнаго бѣдствія; но продажа дѣтей или отдача ихъ въ холопство были инородцамъ строгойше воспрещены; а велѣно инородцамъ „дѣтей своихъ однѣхъ дочерей и сестеръ и племянницъ отдавать въ замужество своей же братьѣ иноземцамъ, а русскимъ продавать ихъ и отдавать не велѣтъ, чтобъ отъ того иноземскаго роду не малилось“³⁾. Въ томъ же году Виніусъ принялъ участіе въ одной крещеной калмычкѣ, которую болѣе 5 лѣтъ силою держали въ холопствѣ сначала Сургутскій воевода Юшковъ, а потомъ дьякъ Сибирскаго приказа Парфеновъ и наконецъ—дьякъ Приказа Большого двора Юдинъ⁴⁾.

Въ 1701 году окончена была серьезная научная географическая работа, предпринятая по распоряженію Виніуса еще въ 1696 году Тобольскій боярскій сынъ Семень Ремезовъ составилъ „Чертежную

¹⁾ Быт. черты в. XVIII в. Н. Оглоблина, стр. 11—14.

²⁾ Пам. Сиб. исторія XVIII в., I, 75.

³⁾ Бытовья черты в. XVIII в., Оглоблина, 3—5.

⁴⁾ Бытовья черты в. XVIII в. Оглоблина, 1—3.

книгу Сибири“. Устройство правильныхъ и постоянныхъ сношеній съ Сибирью съ 1697 года шло неуклонно впередъ.

Въ томъ же 1701 году былъ награжденъ казачій пятидесятникъ Владиміръ Атласовъ за свой „походъ въ Камчадалскую землю“ (открытие Камчатки). Андрей Виніусъ съ товарищи приказали: быть ему въ Якутскѣ казачьимъ головою, жалованья ему учинить годовой окладъ 10 рублей, по 7 четв. ржи и овса и 3 пуда соли; за его добычу—11 сороковъ соболей—выдано было ему 100 руб. деньгами и на 100 р. товарами. Но не прошло и 4 дней со дня этого приказа, какъ Виніусъ собственною рукою пишетъ новый приговоръ: за тое его (Атласова) службу, и за прінскъ, сверхъ прежней его дачи и за раны его, и чтобъ впредь ему великому государю свою службу въ тѣхъ прінскахъ новыхъ земельъ и дальнихъ народовъ показать—дать ему на Верхотурьѣ денегъ 50 рублей, да товарами, какіе ему пригодны, на 50 же рублей¹⁾.

Изъ другихъ дѣлъ Сибирскаго приказа за время управленія Виніуса извѣстны еще—введеніе продажи игральныхъ картъ въ Сибири (изъ фискальныхъ цѣлей, вопреки желанію населенія)²⁾; наложеніе запрещенія на вывозъ боброваго пуху за море; принятіе мѣръ противъ казацкихъ волненій въ Нерчинскѣ; вызовъ самоѣдскихъ шамановъ изъ Березова въ Москву—повидимому, для удовлетворенія любознательности государя; съ такою же цѣлью—требованіе присылки 10 живыхъ соболей и 10 пудовъ магнита изъ Верхотурья; распоряженіе о продажѣ прибывшей въ Москву партіи чаю въ 7 пуд. 20 фун. Среди челобитныхъ за это время попадаются: челобитная жителей Тары о присылкѣ имъ часовщика для завѣдыванія купленными ими на свой счетъ боевыми желѣзными часами, протестъ Сургутскаго воеводы противъ примѣненія выборнаго начала среди служилыхъ людей, челобитная нѣмца—доктора Херургуса о разрѣшеніи ему оставить службу въ Тобольскѣ и вернуться къ семьѣ. Въ дѣлахъ Сибирскаго приказа въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи есть много любопытныхъ черновыхъ докладовъ царю, исправленныхъ рукою Виніуса, за 1698—1701 г. г.³⁾

Въ 1702 году Виніусъ написалъ инструкцію Верхотурскому воеводѣ, изъ которой видно, что онъ былъ человѣкъ просвѣщенный,

¹⁾ Новыя данныя о Вл. Атласовѣ, Н. Оглоблина, Чт. М. Общ. ист. и др. 1888 г., кн. I, стр. 17.

²⁾ Бытовые черты в. XVIII в. Н. Оглоблина, 5—6.

³⁾ См. Обзоръніе... Н. Оглоблина въ Чт. М. Общ. ист. и др. 1902 г., кн. I, стр. 7. Тамъ же есть нѣсколько частныхъ дѣловыхъ писемъ къ Виніусу отъ разныхъ лицъ.

съ обширными знаніями и обращалъ вниманіе на исправленіе народной нравственности и на воспитаніе дѣтей ¹⁾. На средства приказа Виніусъ иногда давалъ образованіе способнымъ инородцамъ.

Мы имѣемъ извѣстіе, что въ „словесныхъ“ школахъ Приказа артиллеріи учился китаецъ (онъ называется также „апонскаго государства татаринъ“), именемъ Денбей; деньги на его содержаніе давались изъ Сибирскаго приказа (по 10 денегъ на день) ²⁾.

Въ мартѣ 1703 г. митрополитъ Сибирскій Филофей обратился къ царю съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ, касающихся церкви и образованія; на всѣ эти вопросы Виніусомъ, по порученію царя, были составлены обстоятельные отвѣты ³⁾.

Завѣдываніе сибирскими промыслами и горнымъ дѣломъ Виніусу пришлось соединить съ работою по изготовленію артиллерійскихъ снарядовъ. Есть свѣдѣнія, что еще въ 1695 году онъ уже принималъ участіе въ доставкѣ артиллерійскихъ припасовъ къ Азову ⁴⁾. Въ письмахъ за границу Виніусъ безпрестанно напоминаетъ Царю о необходимости добыть „желѣзныхъ мастеровъ“, умѣющихъ лить пушки и пр. Виніусъ былъ знатокомъ литейнаго дѣла, когда ему пришлось принять артиллерію въ свое завѣдываніе. До 1700 г. артиллеріей завѣдывалъ первый генераль-фельдцейхмейстеръ царевичъ Александръ Арчилловичъ Имеретинскій; подъ Нарвою онъ былъ взятъ въ плѣнъ шведами и оставался въ плѣну, несмотря на всѣ усилія Петра высвободить его оттуда. По имени онъ числился во главѣ артиллеріи даже въ 1706 г. ⁵⁾. Но уже съ 1701 г. начинается часто упоминаться Приказъ артиллеріи ⁶⁾, во главѣ котораго *de facto* стоитъ „надзиратель артиллеріи“ Андрей Виніусъ (бумаги пишутся по-прежнему на имя царевича). Такъ какъ при Нарвѣ наша артиллерія досталась въ руки шведовъ, то Виніусъ сдѣлался творцомъ новой артиллеріи. Петръ придумалъ употребить на пушки колокола, но изъ одной колокольной мѣди пушекъ дѣлать нельзя

¹⁾ Гамель, II.

²⁾ Къ сожалѣнію, этому инородцу не пришлось окончить своего образованія. Когда Виніусъ удалился за границу, то кн. Гагаринъ взялъ Денбея къ себѣ на дворъ и не велѣлъ ему ходить въ школу, „для того, что онъ словесной грамотѣ и писать выучился“. Когда въ 1710 г. въ Москвѣ былъ царь, то Денбей обратился къ нему съ просьбой объ отпускѣ въ свою землю. Отпуска дано не было, а приказали Денбея крестить и давать ему жалованье изъ Сибирскаго приказа (Бранденбургъ, 244).

³⁾ См. ниже, въ главѣ о литературной дѣятельности Виніуса.

⁴⁾ Письма и бумаги П. В., I, 510.

⁵⁾ Бранденбургъ, 454.

⁶⁾ Бранденбургъ склоненъ думать, что приказъ этотъ былъ учрежденъ въ 1701 г. (стр. 1—3).

было, а подвозъ красной мѣди происходилъ медленно. Царь раздражался на медленность дѣла, и это понятно—„время было—яко смерть“. А тутъ еще подводы доставать для пушекъ было трудно—„многіе господа“ захватывали подводы для себя. Но артиллерія имѣла хорошаго „надзирателя“ и подѣ Нотебургомъ прекрасно выполнила свое дѣло. Виніусъ хвалился не только тѣмъ, что приготовилъ хорошую артиллерію, но и тѣмъ, что сберегъ по сравненію съ прежними подрядными цѣнами—10.000 рублей. (Предметомъ гордости его была также заведенная имъ артиллерійская школа) ¹⁾. Все-таки артиллерія поставлялась на театръ военныхъ дѣйствій медленно. Въ іюнѣ 1702 г. Брюсъ жаловался Царю на медленность Виніуса ²⁾ въ доставкѣ пороха въ Ладогу; въ іюлѣ Виніусъ самъ по этимъ дѣламъ ѣздилъ во Псковъ, гдѣ подалъ Тихону Стрѣшневу роспись полевой артиллеріи ³⁾. Работы было много и справляться было не легко, а помощниковъ подходящихъ у Виніуса не было. Въ декабрѣ 1702 г. „уговоршику“ верхотурскихъ невьянскихъ заводовъ Никитѣ Демидову (Н. Д. Антуфьеву) послана „память“ о выдѣлкѣ желѣза, стали и пушекъ, и Виніусъ личнымъ письмомъ просилъ его объ ускореніи дѣла. Не довольствуясь этимъ, Виніусъ даже лично, съ сыномъ Матвѣемъ, ѣздилъ къ Демидову ⁴⁾.

Наконецъ, надъ Виніусомъ грянулъ громъ. 19 марта 1703 г. Царь написалъ Ѡ. Ю. Ромодановскому слѣдующее письмо изъ Шлис-сельбурга:

„Сіг. Извѣствую, что здѣсь великая недовозка артиллеріи есть, чему посылаю роспись; изъ которыхъ самыхъ нужныхъ недовезено 3.033 бомбовъ трехпудовыхъ, трубокъ 7.978, дроби и фитилю ни фупта, лопатокъ и кирокъ желѣзныхъ самое малое число. А паче всего мастера, который зашрублеваетъ запалы у пушекъ, по сей часъ не присланъ, отчего прошлогодскія пушки ни одна въ походъ не годна будетъ, отчего намъ здѣсь великая остановка дѣлу нашему будетъ, безъ чего и починать нельзя. О чемъ я самъ многожды говорилъ Виніусу, которой отпотчивалъ меня московскимъ тотчасомъ. О чемъ изволь его допросить, для чего такъ дѣлается такое главное дѣло съ такимъ небреженіемъ, которое тысячи его головы дороже. Изволь какъ мочно исправлять“.

Далѣе идетъ рѣчь о новой неаккуратности:

„Изъ аптеки ни золотника лекарствъ не прислано; того для

¹⁾ См. выше.

²⁾ Письма и бумаги П. В., II, 363.

³⁾ Письма и бумаги П. В., II, 364.

⁴⁾ Гамель, 37.

принуждены будемъ мы тѣхъ лечить, которые то презирають. Изволь, не мѣшкая, прислать, также по сей росписи дополнить; да прикажи всѣхъ лекарей, которые нынѣ пріѣхали вновь, также и старые, кои безъ дѣла, прислать къ намъ не омедля ¹⁾».

Итакъ, по двумъ вѣдомствамъ Андрей Виніусъ провинился, и обвиненіе было не изъ легкихъ. Согласно приказанію царя, Ромодановскій произвелъ допросъ Виніусу и его помощникамъ. На допросъ насчетъ непосылки лекарствъ обвиняемые дали слѣдующія показанія ²⁾.

Андрей Виніусъ показалъ, что лекарства по росписямъ, даннымъ докторами и лекарями, посылались въ Шлиссельбургъ немедленно. Лекарей въ Москвѣ въ Аптекарскомъ приказѣ значится всего 1 человекъ, а если теперь явилось еще двое, то это произошло оттого, что, живя долгое время въ Москвѣ, они о себѣ не заявляли. Лекарь Иванъ Термантъ, который долженъ былъ съ запасомъ лекарствъ ѣхать въ Шлиссельбургъ, заболѣлъ и самъ не могъ ѣхать, а когда Виніусъ просилъ его дать письменное увѣдомленіе, съ кѣмъ можно послать заготовленный ящикъ съ лекарствами, то Термантъ такого увѣдомленія не далъ, а безъ этого Виніусъ посылать не рѣшался до самаго послѣдняго времени.

Иванъ Термантъ заявилъ, что согласно условію, заключенному съ государемъ лично ³⁾, онъ готовился ѣхать въ Шлиссельбургъ и заготавливалъ лекарства; когда заболѣлъ, то просилъ Виніуса послать аптеку впередъ, но этотъ послѣдній требовалъ отъ него письменнаго рѣшенія, кого послать; онъ не рѣшился писать этого, считая себя не вправѣ это дѣлать, такъ какъ всѣмъ дѣломъ завѣдуетъ Виніусъ. Несмотря на неоднократныя просьбы, Виніусъ такъ и не послалъ лекарствъ, слѣдовательно—вся вина лежитъ на немъ.

Подъячіе Аптекарскаго приказа показали, что Иванъ Термантъ дѣйствительно просилъ послать лекарства безъ него, но Виніусъ говорилъ: гдѣ Термантъ, тутъ и сундукъ съ лекарствомъ.

Аптекарь Иванъ Левкинъ сказалъ, что ему было поручено заготавливать лекарства для Ивана Терманта, но срока назначено не было; вдобавокъ между тѣмъ старые аптекари многихъ лекарствъ ему не дали. Тогда онъ составилъ списокъ нужныхъ лекарствъ и отдалъ

¹⁾ Письма и бумаги Петра В., II, 136—137.

²⁾ Письма и бумаги П. В., II, 489—496.

³⁾ Рихтеръ въ своей „Исторіи медицины въ Россіи“ (М. 1820), ч. III, стр. 181, говоритъ о Термантѣ: „врачъ ученый и благоразумный; Петръ Первый удостоивалъ его короткаго обхожденія, часто просиживалъ въ гостяхъ у него до полуночи“. Описаніе жизни Терманта см. тамъ же, ч. II, стр. 330.

дьяку Ивану Невѣжину, который до сихъ поръ не сдѣлалъ нужныхъ распоряженій.

Старый аптекарь Эхлеръ отвѣтилъ на жалобу Левкина, что этотъ послѣдній требовалъ у него нѣкоторыхъ дорогихъ снадобій, а Иванъ Невѣжинъ не позволилъ брать ихъ безъ вѣдома Андрея Виніуса.

Иванъ Невѣжинъ пытался возражать, что онъ запрещенія насчетъ лекарствъ не давалъ, но сослался на „безпамятство“. Насчетъ же той росписи, которую ему подалъ Иванъ Левкинъ, онъ говорилъ Виніусу, а тотъ отвѣтилъ: „то дѣло послѣднее, когда лекарства всѣ изготовлены будутъ, и за тѣми припасами дѣло не станетъ“.

Андрей Виніусъ утверждалъ, что онъ послалъ Левкина съ сундукомъ Терманта въ Шлиссельбургъ, а все ли въ этомъ сундукѣ было заготовлено, онъ не знаетъ и никакихъ заявленій ни отъ кого на этомъ поводе не получалъ, а покупать припасы никогда не запрещалъ.

Иванъ Невѣжинъ настаивалъ, что Андрей Виніусъ не позволялъ безъ своего вѣдома покупать припасы и помѣты о покупкѣ дѣлалъ всегда самъ. Это же подтвердилъ подъячій Леонтій Матвѣевъ. Виніусу оставалось сослаться на личную неприязнь Ивана Невѣжина и Леонтія Матвѣева къ нему и заявить, что онъ неоднократно билъ челомъ государю „со слезами“, чтобы тотъ взялъ у него Аптекарскій приказъ и отдалъ бы кому-нибудь другому. Теперь онъ еще разъ проситъ о томъ же, потому что множество дѣлъ въ Сибирскомъ и Артиллерійскомъ приказахъ не даютъ ему хорошо заняться Аптекарскимъ, а въ этомъ послѣднемъ и отъ докторовъ, и отъ дьяка, подъячихъ и аптекарей всегда могутъ быть на него нареканія.

Изъ этого допроса видно, что Виніусъ запоздалъ съ доставкой лекарствъ потому, что не имѣлъ подъ рукой надежнаго человѣка для посланки аптеки и вслѣдствіе этого не торопился ея изготовленіемъ. Если мы припомнимъ показанія самихъ же аптекарей, сдѣланныя ими когда-то Корбу, то увидимъ, что прежде Виніусъ много дѣлалъ для Аптекарскаго приказа. Въ время пребыванія Корба въ Москвѣ онъ, временно, очевидно, не завѣдывалъ этимъ приказомъ, потому что Корбъ говоритъ, что преемники Виніуса, гордые и невѣжественные, небрежно относятся къ требованіямъ лекарей и не заботятся о покупкѣ новыхъ лекарствъ и вслѣдствіе этого аптеки пришли въ упадокъ. Слѣдовательно, когда Виніусъ снова принялъ Аптекарскій приказъ, онъ засталъ его въ полномъ разстройствѣ, а самъ, будучи обремененъ массою дѣлъ, уже не могъ имъ заняться какъ слѣдуетъ, и поплатился за это.

Одновременно съ допросомъ относительно недоставки лекарствъ Виніусу былъ произведенъ еще болѣе важный допросъ—о недоставкѣ артиллерійскихъ припасовъ.

Въ виду того, что на доставку артиллерійскихъ припасовъ было послано изъ Шлиссельбурга двѣ росписи, то Виніусъ былъ допрошенъ на счетъ обѣихъ. Оказалось, что по 1-й росписи имъ все было послано, за исключеніемъ немногаго, чего случайно не оказалось въ Москвѣ, за недостаткомъ привоза съ заводовъ. Относительно трубокъ замедленіе вышло оттого, что полковникъ Гошка, взявшись ихъ изготовить, не умѣлъ сдѣлать въ-время, потому что подобралъ неопытныхъ мастеровъ. Мимоходомъ Виніусъ жаловался, что Гошка для этихъ мастеровъ требовалъ „большихъ кормовъ“ и „верстанія черезъ чинъ“. Гошка оправдывался, говоря, что изготовленіе трубокъ замедлилось вслѣдствіе того, что Виніусъ не давалъ въ-время припасовъ—пороха, сѣры и селитры. Относительно же мастеровъ Гошка ссылался на Б. П. Шереметева и ген. Я. Брюса, которые ихъ рекомендовали; прибавлялъ, что лишняго для этихъ мастеровъ онъ ничего не требовалъ, а Виніусъ не платитъ даже и того, что слѣдуетъ, медлитъ съ уплатою за поставки, чѣмъ разоряетъ торговыхъ людей, наконецъ—не даетъ въ-время нужныхъ подводъ.

Дьякъ Артиллерійскаго приказа показалъ, что припасы къ трубкамъ Гошкѣ доставлялись аккуратно, равно какъ и подводы.

Далѣе, Виніусъ показалъ, что замедлился привозъ припасовъ къ Москвѣ, вслѣдствіе бездорожья и недостатка руды.

Что касается другой росписи артиллерійскихъ припасовъ, нужныхъ въ Шлиссельбургѣ, то Виніусъ заявилъ, что онъ ея ранѣе не видѣлъ, а теперь, когда она явилась, все по ней будетъ отпущено вскорѣ. Относительно пушечнаго мастера, котораго надо было послать въ Шлиссельбургъ для зашрубливанія запаловъ, Виніусъ показалъ, что Б. П. Шереметевъ сообщалъ ему о посылкѣ такового изъ Пскова 23 января, и почему онъ до 27 марта не являлся въ Шлиссельбургъ, неизвѣстно.

Отставка Виніуса близилась, но Петръ медлилъ. Дѣятельность Виніуса была еще во всемъ разгарѣ въ Сибирскомъ приказѣ: въ апрѣлѣ и маѣ 1703 г. онъ готовилъ артиллерию по-прежнему ¹⁾; въ іюлѣ ему предстояла дѣловая поѣздка въ Сибирь ²⁾; но свиданіе съ Меньшиковымъ рѣшило его участь. О случившемся узнаемъ изъ письма Меньшикова къ Петру В. изъ Петербурга отъ 29 іюля 1703 г. Вотъ оно:

„Господине, господине капитанъ, всерадостно и благополучно здравствуй о Господѣ. Извѣствую вашей милости: Андрей Виніусъ, пріѣхавъ сюда, никакова въ дѣлѣхъ своихъ оправданія не принесъ

¹⁾ Письма и бумаги П. В., II, 532 и 710.

²⁾ Письма и бумаги П. В., II, 607.

(хотя онъ отъ меня къ тому не малое принужденіе имѣлъ), опричь того, что розными во всемъ виды выкручивался. И я, отправя его въ настоящій ему путь, отпустилъ его отсюда сего нижеписаннаго числа, и о дѣлѣхъ его, въ чемъ онъ неисправенъ явился, и какую на что отповѣдь учинилъ, послалъ къ вашей милости роспись для вѣдома при семъ письмѣ, изъ которой изволишь увѣдомитися. А здѣсь будучи, поднесъ онъ мнѣ три коробочки золота, 150 золотыхъ червонныхъ, 300 рублевъ денегъ, да въ 7 коробочкахъ золота жъ и въ 5000 рублѣхъ денегъ письмо своею рукою далъ, въ которомъ написано, что ему отдать то все, когда у него спросятъ, или кому приказано будетъ отъ меня, въ дому его безъ него принять. И ты изволь объ отпускѣ его учинить по своему разсмотрѣнію. Зѣло я удивляюсь, какъ тѣ люди не познаютъ себя и хотятъ меня скупить за твою милость деньгами; или они не хотятъ, или Богъ ихъ обращаетъ. А вышеписанную большую дачу далъ мнѣ Виніусъ и за то, чтобъ Пушкарской приказъ и Аптеку хотя у него и взять, только бѣ Сибирской приказъ удержатъ за нимъ, завѣщевая, чтобъ о той дачѣ никто не вѣдалъ. И изъ того изволишь познать, что для чего такую великую дачу далъ, если бѣ не чаялъ отъ того приказу впредь себѣ великихъ нажитковъ ¹⁾; а напредъ сего билъ челомъ милости твоей многожды о дачѣ деревни, сказывая, что пить—ѣсть нечего. А при той вышеписанной дачѣ, по многому его прошенію, написалъ я къ милости твоей письмо объ немъ по его желанію; и то письмо чель онъ самъ, которое я, запечатавъ при подписаніи руки своей, ему отдалъ; и съ того письма списокъ для вѣдома послалъ я къ милости твоей съ симъ письмомъ. За симъ здравіе милости твоей предаю въ сохраненіе Божіе ²⁾».

Результатомъ двухъ вышеупомянутыхъ допросовъ Виніуса была его отставка. Прусскій посланникъ Кайзерлингъ писалъ королю въ іюлѣ 1703 года, что Виніусъ привлеченъ къ отвѣтственности за свои упущенія, главнымъ образомъ — по части артиллеріи и свои дѣла передаетъ кн. Б. А. Голицыну; а въ августѣ онъ же писалъ, что царь намѣренъ сослать Виніуса съ его женою и сыномъ въ Сибирь ³⁾. Плейеръ, австрійскій резидентъ, со свойственнымъ ему стремленіемъ къ преувеличенію, увѣрялъ даже, что Виніуса будто бы хотѣли повѣсить или, по крайней мѣрѣ, жестоко высѣчь кну-

¹⁾ Говорили, что Виніусъ наживался въ Сибири, между прочимъ, отъ продажи табаку (Доклады и пригов. Сената, III, 1220).

²⁾ Письма и бумаги П. В., II, 608.

³⁾ Dukmejer, 130.

томъ ¹⁾. Но у насъ подъ рукою есть только письмо царя къ Ѡ. Ю. Ромодановскому отъ 9 октября того же года:

„Какъ къ вамъ сіе писаніе поднесетя, извольте учинить по сему: приказы Сибирской и Аптекарской извольте вѣдать вы до времени, и оныя переписать и счесть, также и воеводъ сибирскихъ. Также изволь послать указъ на заводы сибирскіе, чтобы лили пушки тамъ по образцамъ, не мѣшкавъ.

Андрея Виніуса изволь, не мѣшкавъ, прислать, а что велѣно готовить, чтобъ и безъ него готовили. Сіе изволь учинить не мѣшкавъ“ ²⁾.

Итакъ, карьера Виніуса была, повидимому, окончена. Пушкарскій приказъ еще, повидимому, оставался за нимъ—онъ все еще завѣдывалъ литьемъ пушекъ. Старый служака, умножившій казну нѣсколькими сотнями тысячъ, нашедшій селитру, руды мѣдныя и желѣзныя, устроившій четыре завода, которые удовлетворяли не только мѣстнымъ потребностямъ, но даже отправляли свои произведенія за границу, устроившій китайскій торгъ, въ 2½ года изготовившій болѣе 600 пушекъ, улучшившій порохъ,—за грѣхи, свойственные тогда всѣмъ безъ исключенія крупнымъ дѣятелямъ, поплатился жестоко: лишился всѣхъ должностей; наложили на него взысканіе въ 13.000 руб. (чтобы заплатить эту сумму, онъ долженъ былъ продать одинъ дворъ, заложить другой, занять деньги); позоръ и нищета были впереди ³⁾, а работы окончательно съ него не сняли!

Находясь въ 1706 г. въ войскахъ у Гродно, въ польскихъ предѣлахъ, Виніусъ внезапно уѣхалъ въ Кенигсбергъ, а оттуда въ Голландію безъ разрѣшенія царя и безъ паспорта, оставивъ домъ и дѣтей ⁴⁾. Голландцы приняли въ немъ участіе и не выдали его, несмотря на требованія русскаго правительства ⁵⁾; очевидно, тамъ же Виніусъ измѣнилъ православію. Царь велѣлъ конфисковать его имущество. Старикъ не вытерпѣлъ, просилъ у царя прощенія, вернулся черезъ Архангельскъ въ Москву (1708 г.) и снова принялъ православіе. Царь простилъ его, вернулъ ему чинъ думнаго дьяка, домъ и деревни

¹⁾ Устряловъ, т. IV, ч. 2, 614—615. Dukmeyer, 134—135.

²⁾ Письма и бумаги П. В., II, 256—257. Описаніе... Н. Оглоблина, Чт. М. О. ист. и др. 1902, кн. I, стр. 22.

³⁾ Соловьевъ, кн. IV, 4.

⁴⁾ Въ разрядныхъ вязкахъ документовъ Р. Приказа за 1707 г. есть „сказка“ жены Виніуса, что мужъ ея находится въ Амстердамѣ. (Описаніе докум. и бумагъ, хр. въ М. Архивъ М. Ю., т. X, 448).

⁵⁾ Архивъ кн. Ѡ. А. Куракина, I, 274. Впослѣдствіи, когда Виніусъ самъ захотѣлъ вернуться въ Россію, Витязевъ писалъ царю письмо (2 мая 1708 г.), извиняя долгое пребываніе Виніуса въ Голландіи и отзываясь о немъ съ похвалою (Б.-Каменскій, I, 193).

и посадилъ его за ученую работу—переводы трактатовъ по механикѣ, фортификаціи, артиллеріи, устава судебныхъ воинскихъ правъ¹⁾, составленіе голландскаго словаря. Въ сентябрѣ 1710 года Петръ попробовалъ даже дать ему дипломатическое порученіе. вмѣстѣ со стольникомъ Ѳедоромъ Протасьевымъ онъ посланъ былъ къ гетману Скоропадскому, чтобы состоять при немъ „для совѣтовъ о государевыхъ дѣлахъ“. Гетманъ былъ этимъ очень недоволенъ; канцлеръ Головкинъ утѣшалъ его, говоря, что Виніусъ и Протасьевъ „люди искусные и поважные“ и будутъ обходиться съ нимъ съ должнымъ уваженіемъ. Народъ малороссійскій также былъ недоволенъ, что „министръ, который при гетманѣ, всякое письмо осматриваетъ“²⁾, но протестъ явно выраженъ не былъ. Въ Малороссіи Виніусъ работалъ не болѣе года³⁾, заболѣлъ и долженъ былъ оставить должность. Старику давно пора было отдохнуть. Возвратившись въ Москву, онъ засталъ у себя дома постояльцевъ—болѣе 200 плѣнныхъ шведовъ; насилу выхлопоталъ онъ себѣ свободу отъ постоя⁴⁾. Но 4 августа 1712 года многимъ должностнымъ лицамъ, а въ томъ числѣ и ему съ сыномъ Матвѣемъ, по приговору Сената, объявлено было, что они должны жить на о. Котлинѣ „по скончаніи сей войны, и даны имъ будутъ дворы и земли подъ деревни“; а когда будетъ заключенъ миръ, то будутъ переведены въ Петербургъ—разрѣшалось теперь же строить себѣ дома въ Петербургѣ⁵⁾.

Мы разстались съ Матвѣемъ Виніусомъ, когда онъ еще не вернулся изъ первой поѣздки за границу. Тамъ онъ обучался въ Саксоніи, затѣмъ вмѣстѣ съ нѣкимъ Меллеромъ, побывалъ въ Берлинѣ, Данцигѣ, а прибывши въ Кенигсбергъ, остался тамъ на нѣкоторое время при резидентѣ, назначенномъ отъ прусскаго короля въ Москву⁶⁾. По прибытіи на родину Матвѣй Виніусъ продолжалъ состоять на государственной службѣ, а 1706 г. былъ командированъ за границу съ какимъ-то порученіемъ по части

1) 30 іюня 1712 г. Петръ назначилъ Виніусу помощника для перевода этой книги, Якова Веселовскаго (Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XI, стр. 238).

2) Ссловьевъ, Ист. Россіи, кн. IV, 31.

3) Въ іюнь 1711 г. въ этой должности засталъ его въ Глуховѣ Юстъ Юль, датскій посланникъ (Записки Юста Юля, Чт. М. О. Ист. и др., 1899, III, стр. 337).

4) Письмо Петра В. Сенату 18 марта 1712 г. (Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XI, стр. 226): „съ двора Андрея Виніуса шведовъ велите свести и впредь чтобъ шведовъ къ нему не ставить“.

5) Доклады и пригов. Сената, II, 101.

6) В. Н. Перетцъ, Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы, т. III, прилож., стр. 109.

теологіи¹⁾. Обладая знаніемъ одного лишь нѣмецкаго языка, онъ зарабатывалъ мало. 13 дек. 1713 года состоялся сенатскій указъ, чтобы выдать ему за переводъ курантовъ 20 рублей и „впредь ему, Матвѣю, быть при канцеляріи (Сената) для переводу нѣмецкихъ писемъ“²⁾.

Въ концѣ 1715 г. Матвѣй Виніусъ, бывшій своему отцу единственной опорой, скончался. Объ этомъ мы узнаемъ изъ письма кабинетъ-секретаря Макарова Ивану Алексѣев. Мусину-Пушкину: „по прошенію Андрея Виніуса царское величество указалъ зятю его Алексѣю Калитину, для его старости, быть при немъ... Причина помянутому Калитину быть при бѣдномъ старикѣ Виніусѣ для того, что у него никого не осталось, ибо и послѣдній его, Виніусовъ, сынъ нынѣ умеръ, и для того царское величество за его службы надъ нимъ умилился и указалъ при немъ быть зятю его Калитину“. Указъ царя о томъ, чтобы стольникъ по полковой службѣ Калитинъ былъ при Виніусѣ и строилъ себѣ домъ въ Петербургѣ, былъ подписанъ 20 дек. 1715 г., а послаяъ 5 янв. 1716 г.³⁾.

Повидимому, матеріальное положеніе самого Андрея Виніуса въ это время было не плохимъ. Выше мы видѣли, что царь вернулъ ему конфискованное имущество⁴⁾. Теперь, когда старикъ былъ близокъ къ смерти, родственники его, очевидно, съ жадностью готовы были расхищать его достояніе. Можетъ быть, этимъ и объясняется его просьба о разрѣшеніи „быть при немъ“ его зятю, Алексѣю Калитину; а между тѣмъ исполненіе царемъ этой просьбы кое-кому очень было не по вкусу. Объ этомъ можно заключить изъ письма государыни къ Андрею Андреевичу, въ которомъ она проситъ „господина Виніуса“ сдѣлать своимъ наслѣдникомъ племянника его, полковника Порецкаго, „ежели ближе его нѣтъ“⁵⁾. Неизвѣстно, что Виніусъ отвѣтилъ на это письмо; но едва только онъ скончался (повидимому, въ самомъ началѣ 1717 года)⁶⁾, какъ, по просьбѣ

¹⁾ Гамель, 37.

²⁾ Доклады и пригов. Сената, III, 1361.

³⁾ Доклады и пригов. Сената, V, 1234. Объ этомъ Калитинъ мы имѣемъ свѣдѣніе, что онъ еще до 1710 г. копалъ мѣдную руду на рр. Быму, Туркѣ и Бурмѣ (Бранденбургъ, 358).

⁴⁾ Между прочимъ деревню въ Перемышльскомъ уездѣ (принадлежавшую когда-то Б. М. Хитрово), которая послѣ бѣгства Виніуса досталась генераль-маіору Полонскому (приказъ о возвратѣ отъ 4 марта 1715 г., см. Государственный Архивъ, кабинетъ Петра В., кн. № 32).

⁵⁾ Черновое письмо отъ 5 окт. 1716 г., см. Государственный Архивъ, Каб. Петра В., кн. № 62, 1.

⁶⁾ А не въ 1714, какъ значится въ Сборникѣ Имп. Рус. Истор. Общества,

полковника Порецкаго, Екатерина снова вмѣшалась въ дѣло объ имуществѣ Виніуса: 5 марта 1717 года она писала сенаторамъ изъ Амстердама, чтобы они взяли подъ охрану „дворы, деревни и пожитки умершаго думнаго дворянина Виніуса“ до ея прибытія и не отдавали ихъ ни Алексѣю Калитину, ни кому другому ¹⁾).

Когда состоялось окончательное распредѣленіе имущества скончавшагося, неизвѣстно; переходъ его библіотеки въ публичную библіотеку, по свидѣтельству Пекарскаго, состоялся въ 1718 г.

Этимъ мы и закончимъ внѣшнюю біографію Андрея Андреевича. Теперь заглянемъ въ его внутренній міръ, который лучше всего отражается въ его литературныхъ и научныхъ произведеніяхъ, а также въ дѣловыхъ его бумагахъ и письмахъ.

И. П. Козловскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

т. 60. Къ 1714 году относятся послѣднія, дошедшія до насъ, письма Виніуса.

¹⁾ Копія съ письма Екатерины сенаторамъ см. Госуд. Архивъ, Каб. Петра В., кн. № 62, 1.